

ЭМИГРАНТСКАЯ ТРАДИЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ "РОССИИ № 2"

© 2008 В.А.Митрохин

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

В статье исследуется эмигрантская традиция изучения русского зарубежья. В работе представлены и рассматриваются различные направления научного поиска ученых-обществоведов. Особое внимание автор уделяет эволюции эмигрантского видения "большевистской реформации".

Эмигрантская историография зарубежья зародилась на самом раннем этапе формирования диаспоры. Уже в начале 1920-х годов в Европе стали появляться работы, связанные с рассмотрением начального этапа пребывания русских беженцев за рубежом [1]. Как правило, они причудливо сочетали в себе элементы мемуаристики, публицистических эмоциональных оценок происходящего в эмигрантской среде, чрезмерной политизированности. К таковым можно отнести вышедшие в один год объемные издания сочинений офицера русской армии О.Винберга и журналиста Г.Раковского [2].

В книге Винберга рассмотрению ситуации в эмигрантской среде предшествует обширный ретроспективный анализ предистории революции и Гражданской войны. Автор, будучи монархистом по убеждениям, испытывает чувство глубокого покаяния в связи с трагической гибелью императора Николая. Характеризуя реакцию различных общественных кругов на происходившее в России накануне революции, он подводит неутешительный итог: "Все виноваты!.. На всех ступенях иерархической лестницы общества измена, предательство и беспринципный оппортунизм торжествовали победу над русскими проявлениями верности, чести и честности" [3, С.7].

Политическую неразбериху в эмиграции Винберг оценивал как логическое продолжение демократической вакханалии 1917 года и выражал глубокие сомнения в способности новоиспеченных лидеров объединить русское зарубежье [4].

В более умеренных, повествовательных тонах выдержана книга Григория Раковского. Тем не менее свое неприятие идей и лозунгов правого крыла эмиграции автор обозначил с самого начала (ситуация к осени 1920 года в

Крыму определяется как "удушливая атмосфера белой военной диктатуры" [5, С.40]).

Заметное место в издании уделяется рассмотрению социально-политической ситуации в эмиграции после крымской катастрофы: описывается борьба политических кланов, действия лидеров (Врангель, Милуков и др.), реакция на них эмигрантских масс и т.д. [5, С. 158, 217, 221, 275]. Специфичность исследовательского подхода Г.Раковского к рассматриваемым событиям состоит в "журналистском видении" ситуации. Политическая борьба начального этапа эмиграции представлена им через призму информационной войны разных периодических изданий ("Воля России", "Общее дело", "Руль", "Луч света" и т.д.) Несмотря на очевидную (и видимо неизбежную) тенденциозность в подходе к освещению событий, Раковский достаточно полно воссоздает общественную атмосферу первых месяцев массовой эмиграции.

Ситуация жесткой идеологической борьбы внутри эмигрантского сообщества нашла отражение в разнящихся по характеру и направленности работах И.Ф.Наживина, Т.В.Локотя, А.Ф.Керенского, В.Патека [6]. Тем не менее, выступая в качестве поборников и защитников разных идеологических доктрин, авторы названных изданий были едины в своем радикальном неприятии советских преобразований. Определение способов борьбы с советским режимом стало еще одним направлением непримиримого политического противостояния, во многом определившим характер общественно-политического развития русского зарубежья.

Ситуация идеологической борьбы "на несколько фронтов", неизбежными спутниками которой являлись субъективизм и политическая ангажированность вызвала к жизни так называемый полемический стиль изданий. Для специалистов, изучающих историю

эмиграции такого рода, литература имеет двуединое значение. Она может рассматриваться и в качестве составной части эмигрантской историографии, и в качестве первоклассного источника, который (при обстоятельном использовании других источниковых материалов) позволяет максимально приблизиться к раскрытию исторических тайн возникновения и развития "России №2".

К числу таких изданий вполне относится эмигрантская литература середины 20-х годов. В книгах И.А.Ильина, В.Х.Даватца, П.Н.Милюкова уже изжита излишняя политизированность первых лет пребывания за границей (что, впрочем, не исключало ясного определения политических позиций), представлен более взвешенный и аналитичный взгляд на эмигрантскую действительность [7].

Ставшие хрестоматийными труды В.Х.Даватца и П.Н.Милюкова посвящены рассмотрению наиболее значимых событий общественной жизни эмиграции. В них представлены авторские позиции по таким ключевым вопросам зарубежья, как отношение к армии, раскол в лагере монархистов, зарубежный съезд 1926 года и т.д. Внушительные исследования П.Н.Милюкова, помимо продуманной аргументации и выверенной логики, отличаются повышенным вниманием к ярким персонам зарубежья.

Автор заострил свое внимание на особенно значимых действиях Н.Е.Маркова, П.Б.Струве, А.В.Пешехонова, С.П.Мельгунова и других фигурантов эмигрантской политики [8, С. 245, 254, 271, 272]. В предисловии к немецкому изданию "России на переломе..." П.Н.Милюков заявлял о своем стремлении к беспристрастности в изложении событий ("историк, а не политик преобладает в этой книге"). Однако до конца реализовать замысел не удалось. И если В.Х.Даватц в своей книге предстал страстным защитником "белой идеи", то в исследованиях П.Н.Милюкова легко угадывается сторонник и выразитель либерально-демократических ценностей [9].

Наиболее ярко разница подходов авторов проявилась в их отношении к идее партийности. С точки зрения В.Х.Даватца, "партийная грызня" являлась искусственно создаваемым препятствием на пути к объединению эмигрантского сообщества и решению главной задачи – возвращению на Родину [10, С.209].

Позиция П.Н.Милюкова сфокусирована в известном тезисе о "невозможности объединения". Лидер кадетов был убежден в том, что сама жизнь делит эмиграцию на соперничавшие группы. В самом общем виде его классификация предполагала три вида партийных объединений: 1) стремящиеся к новизне, 2) защищающие старину, 3) партии, "желающие возможно спокойного перехода от старого к новому – как во всех странах" [8, С.275].

В конце 1920-х – начале 1930-х годов эмигрантская историография развивалась под влиянием новых явлений и событий, качественно изменивших устоявшийся к этому времени уклад жизни зарубежья.

Смерть ряда знаковых персон, во многом объединявших сообщество (вдовствующая императрица Мария Федоровна, П.Н.Врангель, великий князь Николай Николаевич), активные действия советских разведорганов, умело разобщавшие сообщество эмигрантов (настоящий шок, например, вызвало "таинственное исчезновение" лидера РОВС генерала А.П.Кутепова), наконец осознание несбыточности надежд на скорое падение советского строя в решающей степени определяли тональность и направленность исследований этого времени. Н.Гольденвейзер-Любимов, Н.В.Краинский, Н.Белогорский, А.С.Изгоев и другие авторы [11] стремились разобраться в сложном лабиринте заграничной жизни, мучительно искали ответ на вопрос, вынесенный в название одной из книг этого времени – "Что делать русской эмиграции?" [12]

Исследование общественных "бурлений" рубежа десятилетий приводило авторов к выводам о нарастании настроений растерянности, апатии и пессимизма в эмигрантской среде. Абсолютное большинство из них, будучи участниками и свидетелями "... перестроек и метаний" этого времени, не скрывали своего личного отношения к происходившему.

Так, профессиональный психолог профессор Н.В.Краинский в книге с характерным названием ("Без будущего") "ставит диагноз" "душевного расстройства современного общества" (как европейского, так и эмигрантского). Основная причина прогрессирующей деструкции, с его точки зрения, крылась в ошибочном направлении общественного движения: "Яд парламентаризма и борьбы партий смертелен для государства и общества, становящихся

жертвами политиков, нагло попирающих мораль и право" [13, С.184]. Не менее пессимистичными выглядят его оценки в отношении русской диаспоры: "Что касается эмиграции, я считаю ее песнь спетой, ибо дело ее разложения завершено" [13, С.185].

При всей разнице подходов книги и статьи З.Н.Гиппиус, К.Р.Кочаровского, С.В.Дмитриевского, А.С.Изгоева проникнуты стремлением "срастить и оживить русских в инородстве" верой в грядущее торжество справедливости, пусть и в ином социально-политическом контексте. Именно таким настроением пронизана книга С.В.Дмитриевского "Сталин": "Пусть мрачен сегодняшний день русского зарубежья. Пусть слабость, разрозненность, сознательное и бессознательное предательство. Новые люди и новые идеи появятся и здесь. Они создадут национальную русскую партию. Да здравствует третья Россия – народная империя" [14, С.18].

В 30-е годы XX века эмигрантская литература развивалась в русле осмысления происходивших в мире перемен (включая анализ разительных социально-экономических сдвигов в СССР) и прогнозирования грядущих военно-политических событий. Свое влияние на характер и идейную направленность изданий оказывали тенденции, наметившиеся к этому времени в эмигрантской среде, снижение накала внутривосточной борьбы и падение "престижа" политических методов преобразования действительности, дальнейшее дробление общества и смена ценностных ориентиров, появление новых общественных течений, в том числе под влиянием советского патриотизма и угрозы военной агрессии с запада.

Долгие годы на чужбине поставили на повестку дня вопрос обобщения опыта пребывания за границей. Помимо многочисленных мемуаров, издававшихся в больших количествах в европейских столицах, в это же время появились исследования, авторы которых пытались проанализировать успехи и достижения, которых добилась русская интеллигенция в изгнании, дать оценку вкладу, который внесла ее творческая элита в мировую культурную сокровищницу [16].

Вопрос будущих преобразований в России по-прежнему сохранял свою актуальность для русских, однако пути его решения все чаще связывались с анализом опыта пребывания за

границей. Так, К.Р.Кочаровский, вынашивая планы "цельного начертания" будущего Отечества, рассматривал зарубежье в виде "лаборатории нового "отечественничества" России" [17, С.13, 15]. На основании рассмотрения политического опыта эмиграции выстраивал логику рассуждений И.Л.Солоневич [18]. Исключительное значение обобщению и грамотному использованию политической истории эмиграции придавали лидеры национально-трудового союза нового поколения. Курс национально-политической подготовки, разработанный к концу 1930-х годов идеологами НТС НП с целью вовлечения в антисоветскую борьбу эмигрантской молодежи, предполагал изучение основ национального мировоззрения, выработку ясных представлений по вопросам экономической и политической жизни общества. Четвертая часть так называемых "зеленых романов" представляла собой детальное исследование исторического опыта эмиграции [19]. Политический процесс в русском зарубежье рассматривался авторами издания через призму анализа общественных течений, борьбы идей и концепций переустройства России, а также организационных структур, являвшихся их носителями. Исследование почти 20-летней борьбы с коммунистическим режимом венчал вывод о необходимости выработки новых подходов и принципов, глубоком кризисе мировоззрения эмиграции. В этой связи НТС НП виделся авторам "учебного пособия" выразителем "глубокой неудовлетворенности нового поколения положением в зарубежье" [190, С.140].

К концу 1930-х годов окончательно сложились основные подходы, приоритеты и оценки эмигрантской традиции историографии, оформилась концепция зарубежной России.

Послевоенные годы стали временем своеобразного подведения итогов миссии первой послереволюционной эмиграции. Количество изданий к этому времени сократилось, что было обусловлено разрушением довоенного эмигрантского мира, а также "естественной убылью" членов диаспоры. Внимание авторов этого периода приковано к осмыслению исторических судеб и культурного наследия "России №2". Г.Струве, В.В.Зеньковский, Г.В.Адамович, а позже П.Е.Ковалевский, представляли в своих исследованиях внушительную панораму достижений эмиграции на поприще литературы, философии, сценического творчества и

т.д. [20]. Их мнения совпадали в том, что отправленные в "небывалую экспедицию" русские беженцы внесли весомый вклад в историю страны, способствовали популяризации русской культуры в мире.

Не выпала из поля зрения исследователей и политическая составляющая эмигрантской истории. Например, В.С.Варшавский в своей книге, анонсированной как "опыт рассуждения о судьбе эмигрантских сыновей", прослеживал эволюцию настроений в русской зарубежной среде на протяжении 1920 – 1930-х годов, пытался выявить роль и характер воздействия на эмиграцию различных политических группировок и течений: евразийцы, "утвержденцы", младороссы [21, С. 41, 44, 68, 277, 282].

Повышенное внимание автор уделял мнениям лидеров (Н.Бердяев, Ф.Степун, А.Казем-Бек и т.д.) Взгляды и оценки многих из них чрезвычайно ценны с исторической точки зрения и обеспечивают возможность более точной реконструкции событий.

Многие эмигрантские авторы послевоенного времени, не ставя перед собой амбициозных целей обобщения политической истории "первой волны", стремились разобраться в хитросплетениях политической судьбы отдельно взятых общественных течений. Таковую задачу, в частности, поставили перед собой авторы сборника статей и воспоминаний "Меньшевики после Октябрьской революции" [22]. К сожалению, издание не позволяет составить ясное представление об основных этапах развития взглядов сторонников меньшевизма в эмигрантский период. В книге представлена пестрая мозаика внутрипартийной борьбы, небеспристрастно обрисованы отдельные фрагменты послеоктябрьской истории меньшевиков. Наиболее интересной является статья Г.Я.Аронсона. Он сосредоточил внимание на исследовании правого течения в лагере социал-демократов. Статья подытоживалась неутешительным, но, на наш взгляд, согласующимся с историческими реалиями выводом: "Нельзя не сознаться, что в своих исторических прогнозах меньшевизм наряду с другими течениями, имевшими такую же драматическую судьбу, потерпел жестокое поражение" [23, С.283].

Особенностью исследований политической истории эмиграции в послевоенное время являлась не только их актуальность с точки зрения извлечения исторических уроков и

обобщения опыта прошлого. Победоносное завершение Второй мировой войны странами антифашистской коалиции знаменовало собой начало новой фазы противостояния России (в лице теперь уже Советского Союза) и Запада. Сложившийся после войны расклад сил, да и сама логика исторического развития, казалось бы неминуемо толкали русскую диаспору в лагерь противников "красной империи". Многим на западе эмиграция виделась одним из непреходящих факторов развернувшейся антисоветской кампании [24]. Однако данная позиция разделялась в русском зарубежье далеко не всеми. Холодная война породила новый виток противоборства внутри эмигрантского сообщества, что нашло отражение в литературе и публицистике того времени.

Решительным противником участия в "новом интернациональном походе" Запада против СССР выступил Александр Уайт. Цель этого похода, с точки зрения автора, под видом борьбы с коммунизмом заменить советских вождей (способных держать пусть советский, но все же великодержавный курс) своими ставленниками, объявить Россию Демократией и "заставить весь Русский Народ служить целям Мировой Демократии". "Времени осталось мало, – предупреждал А.Уайт. На этот раз план атаки на Россию, как на величайшую державу Востока, разработан до конца" [25, С.102]. Миссия эмиграции в реализации задуманного весьма прозаична – "она лишь политический объект, эксплуатируемый Западом" [25, С.53].

Подвергая критике антисоветскую деятельность известных эмигрантских центров (НТС, в первую очередь), автор писал: "...Внося активно хаос в умы, усыпляя бдительность и обманывая простой народ по ту сторону рубежа..., мы, эмигранты, становимся перед всей российской нацией поручителями за величайших в мире эксплуататоров и вековых врагов нашей империи" [25, С. 31].

Таким образом, исследование различных сторон жизни зарубежной России, не только описание, но и стремление тем самым активно влиять на общественный процесс в непростых условиях заграничного бытия, являлось одним из направлений научных изысканий эмиграции. Осознание смысла существования и миссии "России №2" не носило системного характера и в немалой степени имело тенденциозную направленность. В решающей степени это обу-

словливалось самой динамикой общественного развития Европы и мира, зигзагообразностью и непредсказуемостью политического процесса в 1920-е – 1930-е годы и в послевоенное время.

На наш взгляд, политическая составляющая эмигрантской жизни все-таки не нашла должного отражения в трудах зарубежных авторов и требует дальнейшего изучения в нынешних условиях сближения отечественной и эмигрантской традиций историографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: На чужбине. Париж, 1920; Рабинович М.А. Русские в Германии. – Берлин: 1921; Материалы по эмиграции и устройству земледельческих колоний в окрестностях Константинополя. – Константинополь: 1921; Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия за границей. – Белград: 1923; Кн. Волконская Е.А. Горе побежденным. – Париж: Без данных. и др.
2. См.: Винберг О. Крестный путь. Корни зла. – Мюнхен: 1921. Ч. 1. Вероятно, автор изменил инициалы. По нашему мнению книга написана Федором Викторовичем Винбергом, полковником л-гв. Уланского Его Величества полка, члена организации Пуришкевича, участника Рейхенгальского монархического съезда 1921 года; Раковский Т. Конец белых от Днепра до Босфора (вырождение, агония и ликвидация). – Прага: 1921.
3. Винберг О. Крестный путь. Корни зла. – Мюнхен: 1921.
4. Резко критическое и даже озлобленное отношение к лидерам эмигрантской политики легко угадывается в едких авторских определениях и характеристиках, больше напоминающих ярлыки: Бурцев – "узколобый старичок ограниченного ума и фанатичного образа мыслей", Брешко-Брешковская – "старая революционная шутиха", Керенский – "пройдоха хлестаковско-го типа" и т.д. См. там же.
5. Раковский Т. Конец белых от Днепра до Босфора (вырождение, агония и ликвидация). – Прага: 1921
6. См.: Наживин И.Ф. "Открытое письмо" И.Наживина А.В.Карташову увидело свет в 1921 году. Хранится в фондах ФГБ. Выходных данных не имеет; Локоть Т.В. Завоевания революции и идеология русского монархизма. – Берлин: 1921; Керенский А.Ф. Издалека. Сб. ст. 1920-1921 гг. – Париж: 1922; Патеж В. Исповедь сменовеховца. – София: 1924 и др.
7. См.: Ильин И.А. Родина и мы. – Белград: 1926; Даватц В.Х. Годы. Очерки пятилетней борьбы. – Белград: 1926; Миллюков П.Н. Эмиграция на перепутье. – Париж: 1926; Его же. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевицкой диктатуры. – Париж: 1927; Там же. Т.2 Антибольшевицкое движение. – Париж: 1927. Без сомнения, в число изданий входит сборник статей Н.В.Устрялова "Под знаком революции". – Харбин: 1925. Ряд составивших его статей увидели свет в 1923 – 1925 годах ("О нашей идеологии", "Семь лет", "Сменовехизм", "Памяти В.И.Ленина") и являют собой образцы историко-политологического анализа общественных процессов.
8. Миллюков П.Н. Россия на переломе. – Париж: 1926.
9. Так, не отличался замысловатостью рецепт "борьбы с возвращенчеством". По версии Павла Николаевича "спасение от этого очередного увлечения в том спокойном и уравновешенном синтезе, которое дало республиканско-демократическое объединение" (Миллюков П.Н. Эмиграция на перепутье. – Париж: 1926. С. 122).
10. Даватц В.Х. Годы. Очерки пятилетней борьбы. – Белград: 1926.
11. См.: Гольденвейзер-Любимов Н. Да здравствует эмиграция". – Париж: 1929; Краинский Н.В. Без будущего. Очерки по психологии революции и эмиграции. – Белград: 1931; Белогорский Н. Доколе-же... – Берлин, 1931; Изгоев А.С. Рожденные в революционной смуте (1917 – 1932). – Париж: 1933 и др.
12. Что делать русской эмиграции? Сб. ст. З.Н.Гиппиус и К.Р.Кочаровского. – Париж: 1930.
13. Краинский Н.В. Без будущего. Очерки по психологии революции и эмиграции. – Белград: 1931
14. Дмитриевский С.В. Сталин. – Берлин: 1931.
15. Курковский А. Еще не поздно. Мысли о современном международном положении. – Каунас: 1931; Деникин А.И. Международное положение. Россия и эмиграция. – Париж: 1934; Ильин И.А. О России. – София: 1934; Базил Н.А. Россия под советской властью. – Париж: 1937; За Русь святыю! Лига русских офицеров и солдат за границей. – Белград: 1937; Шульгин В.В. Аншлос и мы. – Белград: 1938 и др.
16. Новиков М.М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию. – Прага: 1935; Пию-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. – Белград: 1939; Свообразным призывом к будущим поколениям, актуальным в наше время, звучали заключительные слова автора книги: "Гордитесь тем, что вы русские, гордитесь Великим Отечеством, гордитесь этой чудной культурной страной..." (– С. 60).
17. Кочаровский К.Р. Зарубежье и Отечество. – Белград: 1937.
18. Солоневич И.Л. Россия в концлагере. 1936. Т.1 (место издания не указано).
19. Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Курс национально-политической подготовки. Ч. 4. Исторический отдел. – Белград: 1938.
20. См.: Струве Г. Русская литература в изгнании. – Нью-Йорк: 1956; Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – Париж: 1955; Адамович Г. В. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. – Париж: 1961; Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж: 1971; Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. – Париж: 1973.
21. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. – Нью-Йорк: 1956
22. См.: Меньшевики после Октябрьской революции. Сб. ст. и восп. Б.Николаевского, С.Волина, Г.Аронсона. Сост. Ю.Т.Фельштинский. – М.: 1990; Составитель

- сборника, профессиональный историк и эмигрант, подтверждая наметившуюся тенденцию к слиянию отечественной и эмигрантской историографических традиций, выпустил в начале 90-х годов монографию: *Фельштинский Ю.Т.* К истории нашей закрытости. – М.: 1991.
23. *Аронсон Г.Я.* К истории правого течения среди меньшевиков // *Меньшевики после Октябрьской революции.* – М.: 1990.
24. М.Хейфец, например, утверждает, что "Социалистический вестник и сгруппировавшиеся вокруг этого издания представители меньшевистского крыла эмиграции стояли у истоков "методологического фундамента науки, которую позднее станут именовать "советологией" (*Хейфец М.* "Социалистический вестник" и "социалистическая страна" // *Евреи в культуре русского зарубежья.* – Иерусалим: 1992. Вып. 1. – С. 203).
25. *Уайт А.* Русская политика самосохранения. – Мюнхен: 1961.

EMIGRANT TRADITION OF "RUSSIA № 2 " STUDYING

© 2008 V.A.Mitrokhin

Saratov State University

The paper is devoted to the Russian emigrant tradition of studying Russian emigration. Various directions of studies are analyzed. Special attention is given to the evolution of emigrants' vision of the "Bolshevik Reformation".